

Уважаемая редакция!

Я работаю воспитателем в рабочем (в основном молодежном) общежитии. В № 9 вашего журнала за 1985 год была опубликована интересная статья Н. Корниенко, где упоминается имя Владимира Высоцкого. Довольно часто и «в рабочем порядке» и в частном общении с людьми личность Высоцкого, его песни становятся предметом равнодушного обсуждения. И вот здесь приходится постоянно сталкиваться с разногласиями мнений. Вообще-то это закономерно, когда сталкиваются противоположные взгляды. Плохо другое: обращают на себя внимание или преувеличенные, или явно заниженные оценки творчества Высоцкого, прежде всего песенного.

В то же время и печать не так часто и ясно освещает эту тему. Да и там... Вот, например, хорошая статья Игоря Дьякова в журнале «Смена». Но что обидно: Дьяков ссылается на

известную песню «Памятник» («Ахиллес»), в которой Высоцкий выражает опасение, что его искусственно «сузят» в целях канонизации («Саван сдернули... Как я обужен! — на те, смерть! Неужели такой я вам нужен после смерти?!») — но при этом тут же сам и «обужает» поэта, приводя, например, следующую строчку из «Баллады о детстве»: «возвращались отцы наши, братья по домам...», и обрывая ее на этом. А в песне далее следует «...по своим да чужим». Но ведь это же принципиально важное дополнение, ибо именно такое умение «макать перо в правду» является определяющим у Высоцкого.

Мне хотелось бы прочитать в вашем журнале, мнение которого для меня значит много, о творчестве Высоцкого. Если вы сможете это сделать, не один я, но многие будут вам благодарны.

Ленинград П. Ю. СМЕРНОВ

Прошло уже несколько лет со дня смерти Владимира Высоцкого, а все так же, как и при его жизни, на вечеринках и в туристических походах, в молодежных общежитиях и в семьях с магнитофонных лент и пластинок звучит его голос. «Нерв» — единственный пока сборник стихов поэта — стал чуть ли не библиографической редкостью.

Можно с уверенностью сказать, что Высоцкий популярен во всех возрастных и социальных группах нашего общества. Разумеется, отношение к его песням у разных людей не одинаково, неоднозначен и их выбор из поистине неисчерпаемого по своему разнообразию репертуара певца, но тем

не менее вряд ли за последние десятилетия можно назвать имя какого-нибудь поэта, который столь же приковывал к себе внимание именно всех слоев общества и вызывал при этом столько же разноречивых мнений и споров, как Владимир Высоцкий. Уже одно это обстоятельство заставляет серьезно отнестись к его творчеству.

А творчество его невозможно оторвать от тех общественных процессов в нашей стране, отражением которых (полным или неполным, верным или неверным — это другой вопрос) оно являлось.

В середине 50-х годов партией была осуществлена большая и плодотворная работа, направленная на последовательное проведе-

Лев КОГАН

МАМА
ПЕСНИ
ВЛАДИМИРА
ВЫСОЦКОГО

ние в жизнь ленинских норм партийной и государственной жизни. Все это не могло не сказаться на состоянии общественного сознания. В эти годы — огромные успехи во всех сферах нашей жизни, в том числе — в литературе и искусстве.

Не случайно со второй половины 50-х годов мы были свидетелями подлинного «поэтического бума». «Это был период расцвета интереса к поэзии, невиданный доселе ни у нас и нигде в мире», — писал Евг. Евтушенко. Стихи, по его справедливым словам, «становились народными событиями».

Поэзия все более и более полно отражала все стороны действительности, новую жизнь обрета сатира. Великолепные стихи созда-

ют старейшие поэты Н. Асеев, С. Кирсанов, В. Луговской, М. Светлов, К. Симонов, И. Сельвинский, Я. Смеляков, А. Твардовский и многие другие. Наряду с ними в поэзии все более явственно звучат новые голоса — В. Ахмадулина, А. Вознесенский, Е. Евтушенко, Н. Матвеева, Ю. Мориц, В. Окуджава, Р. Рождественский... В 60-е годы этот «поэтический бум» продолжался.

Поэты часто писали и о таких проблемах нашей жизни, о которых молчали философы и социологи.

А сложностей в нашей жизни было немало. Рост материального благосостояния людей не всегда сопровождался соответствующим повышением образования и куль-

туры. Это вело к рецидивам мещанства, к потребительству и вещизму.

В жизнь вступали новые поколения, не знавшие тягот войны и послевоенного периода. Завоевания социализма они застали уже готовыми, ограниченность личного опыта не давала возможности сравнивать их с жизнью страны в предшествующие периоды. Далеко не все молодые люди, принадлежащие к этим поколениям, были способны объяснить появление ряда негативных, несовместимых с природой социализма явлений нашей жизни, объяснить происхождение и сущность противоречий в развитии советского общества.

В 60—70-е годы в стране происходит подлинный «информационный взрыв», в области распространения духовных ценностей, это связано было с повсеместным внедрением в жизнь телевидения и магнитофонной записи. Благодаря радио, телевидению и магнитофону поэты получили такую аудиторию, о которой лишь мечтал В. Маяковский. Понятно, не только распространением магнитофонной стихии можно объяснить то особое внимание больших поэтов к песне, которым характеризуется этот период, но нет сомнения, что магнитофон внес в этот процесс свою лепту. Оговоримся: речь идет о своеобразном стихе-песне, где автор выступает одновременно и композитором, и исполнителем. Конечно, такая песня была и раньше (достаточно вспомнить хотя бы А. Вертинского), но сейчас она не только получает многомиллионную аудиторию, но и существенно изменяется сама. Песни Б. Окуджавы, Н. Матвеевой, Ю. Визбора, А. Городницкого не могут быть названы песнями в старом смысле этого слова. Они неизмеримо расширили границы традиционной песни и по содержанию, и по форме. Это стихи, ставшие песнями. Исполненные раз даже в узкой компании, они могли благодаря магнитофонной ленте в очень краткие сроки облететь страну.

Живущую уже столько лет популярность Владимира Высоцкого нельзя объяснить ни «модой», ни какими-либо другими внешними причинами. Ей способствовали, конечно,

и театр, и кино, и телевидение, но главной ее причиной все же является само содержание его творчества при исключительной одаренности автора.

Многие лучшие его стихи изданы, однако Высоцкого предпочитают не читать, а слушать. И причина, конечно, не в музыке, а в глубоко индивидуальном, своеобразном исполнении стихотворного текста. Высоцкий не столько поет, сколько рассказывает свои песни, непрерывно импровизируя. И дело даже не в том, что, исполняя одну и ту же песню, он часто меняет слова, даже целые строки, а в том, что каждый раз он по-новому играет ее. Концерт его с полным правом может быть назван «Театром одного актера», где каждая новая песня — новая роль. Даже по магнитофонным записям чувствуется это.

Какой артист не жаждет новой роли? Не в этом ли одна из причин поражающей многогранности Высоцкого? Он как будто стремился охватить все стороны нашей жизни, многие этажи нашего социального здания, включая и его подвальный этаж. Его интересовали академики и моряки, шахтеры и альпинисты. В то же время в некоторых его песнях действуют и уголовники, пьяницы, стяжатели... Ему хотелось в меру своих сил и возможностей рассказать о всех событиях, волнующих нашего современника. В его неоглядном репертуаре сатира соседствовала с высокой патетикой, шуточная озорная сказка — с высокой трагедией.

Такая широта тематической палитры песен и явилась главной причиной легенд о Высоцком. Не верилось, что он не был ветераном войны, не плавал на подводных лодках, не поднимался на горные вершины, не водил самолет, не ходил на шхуне... Его герои были настолько жизненными, что казались одними из нас, из наших соседей и знакомых. Поразительно быстрым был отклик поэта на различные события, волновавшие людей — от отношений с Китаем до хоккейного матча с канадскими профессионалами или увлечения индийской йогой. Его песни (во всяком случае, многие из них) оказывались исключительно современными и

ЛЕВ НАУМОВИЧ КОГАН родился в 1923 году. Окончил исторический факультет Уральского государственного университета имени А. М. Горького. Доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР, лауреат премии Ленинского комсомола. Заведующий кафедрой теории научного коммунизма УГУ. Выступал в журналах «Коммунист», «Вопросы философии», «Социологические исследования», «Вопросы литературы», в газетах «Правда», «Труд», «Литературная газета», «Советская Россия», «Советская культура». Автор книг «Цель и смысл жизни человека», «Искусство и мы», «Советская социологическая культура». Постоянный автор нашего журнала.

воспринимались как непосредственный отклик, как репортаж «по горячим следам». При этом чаще всего само событие освещалось через призму массового обывденного сознания и вместе с тем поднималось до глубокого поэтического обобщения. Высоцкий чутко ощущал состояние массового сознания, его изменения, хотя нередко и иронизировал над ним. В песнях Высоцкого обыватели, а тем более наши идейные враги, стремились обнаружить скрытые «намёки», тщетно искали завуалированный подтекст. На самом же деле сила стихов Высоцкого была в их предельной искренности. Искренними были и его заблуждения. Эту искренность певца чувствовали и ценили слушатели.

• • •

Отсутствие глубоких и подробных исследований его творчества не позволяет четко проследить за диалектикой развития певца. К сожалению, даже в единственном сборнике его песен нет дат их создания. А в магнитофонных записях ранние песни звучат нередко вслед за последними. Поэтому человек, обратившийся к творческой биографии поэта, оказывается порой в весьма затруднительном положении. Какие же темы были основными в ранний период, какие стали важны певцу в поздний? А ведь эволюция была огромной.

По свидетельству знавших его людей, Высоцкий начал с шуточных, стилизованных под «блатной» фольклор песен. Они предназначались для узкого круга знакомых, для художественной молодежи. Обращение к «блатному» фольклору было модным среди определенных кругов интеллигенции (у Е. Евтушенко есть даже стихи — «Интеллигенция поет блатные песни»). Неожиданно для автора песни эти вышли далеко за пределы того круга, для которого предназначались. Их сразу же выделили среди многих подобных. Потому что создавал их талантливый человек. Во многих из этих песен прорывались яркие поэтические образы («покажите мне хоть форточку весны!»), чувствовалось дыхание подлинной жизни. И еще была в этих стилизациях ирония. Подлинные песни уголовников — сентиментальны, в них «серьез» доведен до всхлипов, художественность в большинстве их практически отсутствует, потому что они и слушателя широкого не имеют. Песни Высоцкого как раз отличало художественное чутье, с которым он обыгрывал те или иные рече-

вые обороты «уголовной лирики». Его песни всегда чуточку пародийны...

Высоцкий рассматривал эти песенки как озорство, литературное эпатирование публики, публика мгновенно и охотно включалась в игру. Эти стилизации распевали не уголовники, а обычная городская молодежь, пугая взрослых столь «дурными» наклонностями. Но тот, кто всерьез воспринял эту часть творчества Высоцкого, конечно же, ошибался.

Надо сказать, что Высоцкий ко времени своего выхода на эстраду с гитарой уже отказался от «блатной» тематики и больше к ней не возвращался.

Мало, обидно мало пришлось ему жить и творить. Он не был актером, пишущим стихи (таких сотни), работа в театре и на эстраде сливалась для него воедино. Он выходил с гитарой и песней на сцену театра. Представить себе гитару в «Гамлете» после Высоцкого немислимо, для него это было органично, более того — необходимо. Нельзя разделить в нем артиста и поэта, в этом, очевидно, его неповторимое своеобразие — феномен Высоцкого. В широчайшей палитре пропетых и выстраданных им песен не всегда можно выделить определенные циклы. Непрерывно выдумывая, пробуя и отрицая уже найденное, он, казалось бы, делал все, чтобы затруднить работу своих будущих исследователей. Однако наша задача сравнительно облегчается огромной работой по систематизации его песен, проведенной составителями сборника «Нерв». Начнем с самого главного.

• • •

Вряд ли можно представить современного советского поэта, пусть и сравнительно молодого, который не мерил бы жизнь высшей нравственной мерой Великой Отечественной. С военной темы начал свои песни В. Окуджава, который сам был участником войны. Цикл военных песен Высоцкого, как мне кажется, займет свое место в ряду лучших стихов советских поэтов, посвященных этой вечной для нашей литературы теме.

Герой военного цикла песен Высоцкого — простой, обыкновенный человек, такой как все: «А из меня такой солдат, как изо всех». Он такой же, как геройский паренек — «из второго батальона», как тот, кто «вчера не вернулся из боя», и как его друг, которому кажется, что не вернулся из боя он сам, как летчик Серега, защищавший самолет своего друга ценой собственной жиз-

ни... Высоцкий не выписывает их портреты, действительно у него нет ни одной персональной судьбы — «все судьбы в единую слиты». Образ солдата у Высоцкого — образ народа, защищавшего свою землю.

В военных стихах-песнях Высоцкий вышается до самого высокого, светлого трагизма, трагедии утверждения жизни через смерть. Герои войны, известные и безымянные, воплощены в емком и правдивом образе его Солдата. Песни Высоцкого о войне — одна из самых ярких лент в венке Неизвестному солдату.

Своеобразие военных песен Высоцкого — в постоянно акцентированном им образе родной земли, родной природы, которая воевала с врагом вместе с людьми, как бы в одном строю с ними. Враг захватывал нашу землю, топтали ее чужие кованые сапоги. Но «кто сказал, что земля умерла? Нет, она затаилась на время». В одном из стихов — «Аисты» читаем:

А по нашей земле гул стоит,
И деревья в смоле грустные.
Разбрелись все от бед в стороны,
Певчих птиц больше нет — вороны!

Аисты перестали вить гнезда на захваченной врагом русской земле. И земля, и вода, и лес — все побрели с отходившими на восток частями.

Могут сказать, что идея природы, ждущей возвращения своих, была уже в нашей поэзии и ранее. Вспомним, например, у К. Симонова: «Мы вас подождем, — говорили нам пажити, — мы вас подождем, — говорили леса...» Однако это свидетельствует лишь о преемственности Высоцким лучших традиций советской военной лирики. Он умел найти необычайно точную, яркую, никем еще не подмеченную деталь, которая возвышалась им до необычайно емкого символа, до подлинно художественного открытия.

В одной из самых лучших его песен военного цикла говорится:

Руки-ноги на месте ли, вет ли.
Как на свадьбе росу пригубя,
Землю тянем зубами за стебли
На себя, под себя, от себя.

Единство солдата и природы — его слитность с Родиной. Родная земля помогла воевать, она не подведет, она выручит в трудную минуту: «Ведь это наши горы, они помогут нам!» Для поэта Родина — «это на-

ша душа, сапогами не вытоптать душу!» И родная земля выстояла, выдержала! Когда огромный, от моря до моря, фронт двинулся наконец на запад, когда «...ось земную мы сдвинули без рычага, изменив направление удара», тогда даже «несмышленный зеленый, но чуткий подсолнух уже повернулся верхушкой своей на восход».

Стихи Высоцкого — отнюдь не взгляд на войну через узкую призму «карты-двухверстки»; на каждой высоте, которую штурмовали батальоны, слились все города, деревни, леса и села, все наши пути и судьбы («Высота»). В военных стихах Высоцкого нет того надрыва, который, как мы увидим, характерен для некоторых его, кажется, вполне «мирных» стихов. Нет его даже в самых трагических стихах-песнях («Он не вернулся из боя», «Звезды», «Смерть истребителя» и др.). Высоцкий сумел мужественно и просто сказать о великом подвиге народа. Эти песни, выпущенные на пластинках еще при жизни поэта, волновали и седых ветеранов, и молодежь.

Но песни о войне не стоят особняком в творчестве Высоцкого, они органически слиты и перекликаются с песнями о современнике.

• • •

В последнее время в литературе нередко встречаем слова о «субкультуре» молодежи, о «молодежных» ценностях и т. д. Я долго старался выяснить, в чем же сущность и особенности этой «субкультуры», и никто не мог мне это объяснить. Одни считают, что специфически «молодежными» ценностями являются современные танцы, но не менее интенсивно их танцуют уже весьма немолодые люди.

В. Высоцкий, подчас односторонне, тоже объявляется привилегией «молодежной субкультуры». Не могу с этим согласиться! Артист обращался ко всем, и популярность его велика у людей разных возрастов, другое дело, что молодежь более шумно выражает свои симпатии. Действительно, лирический герой песен Высоцкого далеко не всегда молод. Он отнюдь не супермен и не мужчина с крепкими кулаками. Как раз наоборот: он подчеркнуто обыкновенен, даже обыден. Он не чужд страха, сомнений, неуверенности:

И пусть пройдет немалый срок,
Мне не забыть,
Как здесь сомнения я смог
В себе убить, —

говорит альпинист, у которого наконец-то страх «сорвался в пропасть». Он скорее получает удары, чем бьет («О сентиментальном боксере»), он преодолевает страх перед затычным прыжком с самолета («Я замешкался возле открытого люка и забыл пристегнуть карабин»). Таких мест много. Опять-таки герой Высоцкого — это один из нас. Думается, что именно это обстоятельство делает его столь популярным. Его судьба — судьба поколения, вышедшего в самостоятельную жизнь в конце 50-х — начале 60-х годов.

Биография этого поколения органически связана с дорогой. Это было время освоения целины, время великих строек. На карте Родины один за другим возникали новые города, осваивались грандиозные территории, сотни тысяч людей меняли место жительства. Далеко не все из них ехали на новые места по путевкам комсомольского комитета. Были и любители длинного рубля, и неустроенные люди, искавшие счастья вдали от дома...

Говорят, все конечные пункты Земли
Нам маячат большими деньгами.
Километры длиною в рубли,
Говорят, остаются за нами.

Однако, поэт Высоцкий в песне «Дальний рейс», «суть не в том» — не в длинном рубле, хотя и «это тоже». Обратим внимание на песню «Кто старше нас на четверть века...». Мне думается, она программна для целого цикла его песен. Старшему поколению повезло: «И дым и пот они понюхали, хлебнули, повидали». Они ехали в теплушках на стройки и ходили в штыковые атаки.

Но время эшелонное прошло —
В плацкартах едем, травим анекдоты,
Мы не ходили — шашки наголо,
В отчаянье не падали на доты.
И все-таки традиция живет,
Взяты не все вершины и преграды.
Не потому ли летом каждый год
Идем в студенческие стройотряды.

В песнях Высоцкого нет громких слов, лозунгов. Он поет о суровом, трудном пути геолога («Тюменская нефть»), о шахтерах, которые «как дьяволы в пыли» («Черное золото»), о шоферах в пурге («Дорожная история»), о моряках («Песня о моряках») и парашютистах («Затычный прыжок»). Эти песни продолжают военный цикл поэта. Те же

простые, «как все», ребята. Те же трудные экстремальные ситуации, те же друзья, приходящие на выручку в тяжелую минуту.

Лирический герой Высоцкого необычайно мобилен. «Он все углы облазил — и в Европе был, и в Азии», он видел Ногайскую бухту и тракты, Тюменский север и горный Памир. Но все равно его зовут от насиженных мест другие города — «и Минск, и Брест». Можно с уверенностью сказать: пока люди будут ходить в горы, не умрут песни Высоцкого об альпинистах. В них звучит та же тема, что и в песнях о войне, единство человека и родной природы. Горы снова помогают человеку — на этот раз помогают стать самим собой, стать человеком. Для аквалангиста этой стихией стала вода, для парашютиста — воздушные потоки. Ведь они выбирают «трудный путь, опасный, как военная тропа» («Вершина»). Поэт пишет о преодолении собственного страха, эгоизма, сомнений. Вот почему песни Высоцкого живы и, безусловно, будут жить!

Но было бы опять-таки узко говорить о лирическом герое Высоцкого только как о путешественнике, спортсмене, первопроходце-романтике. Перечитайте стихотворение «Маски». В нем поэт восстает против масок, которыми люди маскируют свою подлинную сущность. Он отстаивает активную позицию в борьбе со злом, подлостью, лицемерием.

Если руки сложа наблюдал свысока
И в борьбу не вступил с подлецом,
палачом,
Значит, в жизни ты был
Ни при чем, ни при чем!

Добро остается добром в прошлом, будущем и настоящем. Эта мысль не только в «Балладе о борьбе», из которой взяты эти строки, но и во многих других стихотворениях сборника «Нерв» и прежде всего в программном стихотворении «Я не люблю».

Он начал писать в то время, когда моднее всех шлягеров была «Бригантина» Павла Когана. Пионерские дружины, молодежные клубы и кафе носили это романтическое имя. Появились и песни-подражания («Уходит бригантина от причала...»). Бриги, паруса — символы странствий, дорог, перемен мест, романтики юности.

Казалось бы, что и Высоцкий не прошел мимо романтической этой темы. К средневековью, к дальнему прошлому (даже к Древнему Риму) обращено много песен Высоцкого

го. Эпиграфом этого цикла можно поставить слова:

Чистоту, простоту мы у древних берем,
Саги, сказки из прошлого тащим,
Потому что добро остается добром
В прошлом, будущем и настоящем.

Он пишет о славном парне — Робин Гуде, о героях-черногорцах, о стругах на Волге, о петровской Руси, о днях, когда Наполеон переходил границу, о Древнем Риме, о средневековых турнирах и даже о каменном веке. Но все эти стихи можно назвать историческими лишь с большой натяжкой. По векам путешествует наш современник, надевая то шкуру, то римскую тогу, то рыцарские латы... Ведь «в кипящих котлах прежних войн и смут столько пищи для маленьких наших мозгов!» («Баллада о борьбе»). Высоцкий намеренно снижает, «обыволяет» прошлое, видя в нем не только алые паруса, но и вечную борьбу добра и зла.

Высоцкий написал чудесные детские стихи к дискоспектаклю «Алиса в стране чудес». И в этих стихах — тоже апология добра, его торжества над злом:

Добро и зло в стране чудес — как
и везде — встречаются,
Но только здесь они живут на разных
берегах.
Здесь по дорогам всякие истории
скитаются.
И бегают фантазии на тоненьких ногах.

Как жаль, что детских песен у него так мало: он великолепно понимал добрую душу ребенка! Страна Детства живет в его стихах где-то рядом со страной Любви — на границе с нею, ибо страна Любви — тоже страна добра. «Страна Любви — великая страна» («Баллада о Любви»), это заколдованный лес, в нем — встречи и разлуки, разность в языках, расставания и расстояния. Лирический герой Высоцкого нежен и застенчив. И здесь поэт избегает патетики: он предпочитает раскрывать любовь через ее проявления; такова, например, песня о междугородном телефоне — «07».

Подчас успех у самых широких слоев народа объясняют действием механизма моды. Между тем сила моды хотя и велика, но не безмерна. Не обижаем ли мы сотни тысяч умных, серьезных людей, которым нравится творчество Высоцкого, полагая, что и они бездумно подчинились велениям моды. Нет,

как мы видели, одной «модой» популярность Высоцкого объяснить невозможно. Гитара поэта откликалась на многие звуки жизни, звуки наших с вами сердец. Разве это не наша мольба — «чуть помедленнее, кони!», чуть помедленнее, привередливые кони неумолимого времени? Лирического героя поэта отличает неуемная, бесноватая жажда жизни, жажда познания мира. Ему хочется охватить сразу все четыре стихии — землю, воду, воздух и огонь, — все корни человеческой жизни!

Из песни не выкинуть слова, из творчества поэта — ни одной его песни! В дискуссиях о Высоцком часто говорят как будто о разных поэтах. Но Высоцкий на деле один. Не для будущих ли спорщиков написал он:

Но вот ухмыльнется и скажет сквозь смех
ценитель упрямый:
«Да это же просто другой человек!»
А я — тот же самый.

(«Все относительно»)

Поэта нельзя отождествлять с его героем. Но стихи о «втором Я», о раздвоенности этого самого героя (точнее — одного из героев) Высоцкого, очевидно, не случайны.

Я уже говорил, что Высоцкий писал о таких явлениях нашей жизни, о которых многие предпочитали умалчивать, — о пьяницах и мещанах, хапугах и стяжателях, ворах и обывателях. Он хорошо знал психологию современного мещанина, его мировосприятие, умел удивительно точно и правдиво передавать детали его быта. Высоцкий показывал мир этих людей как бы «изнутри», их же глазами, сознательно стремясь не подниматься над уровнем обыденного сознания. Этот весьма обширный и пестрый цикл песен я с полным основанием мог бы назвать своеобразной «энциклопедией» обыденного сознания.

Он обладал поистине редким даром видеть смешное в обыденном. Вспомните его «Зарядку» или популярную песенку об аэрофлоте «Москва — Одесса». Но вот цикл песен о людях, стоящих на обочине жизни. Герой этих песен смотрит на жизнь как бы в перевернутый бинокль: большое, даже великое, кажется маленьким, приземленным, смешным.

Его давно уже не будоражат «ни паровозные свистки, ни пароходные гудки». Ему не нужен ветер странствий, ему хорошо и в уголочке, в маленькой улочке между рынком и пивной. Он не умеет отличать главное, основное в жизни от бесчисленных случаев, которые «летают рядом». В обыденном сознании мещанина еще остались какие-то строчки классики из программы 6—7-х классов школы, но эти строчки воспринимаются уже через призму его сегодняшних интересов.

К вещему Олегу приходят волхвы, от которых разит винным перегаром; пушкинское Лукоморье превращается в скопище пьяной нечисти, где стоит «перегар на гектар». Ведьмы из народной сказки идут в «Гранд-отель» пьянствовать, а Сорока-Белобок превращается в блатмейстера, воровку из Главбазы. Даже полюбившийся нам с детства старик Хоттабыч требует вина и занимается мордобоем. Все опошлено, искажено и снижено в сознании обывателя. Вместе с тем оно воинственно. Оно хочет вещей и денег, оно питается ими. Даже на свадьбе оно прежде всего воспринимает стол, где «на сто рублей блинов одних», уха и заливные потроха...

Нет никакого сомнения, что Высоцкий ненавидел мещанина и обывателя, людей, которые облюбовали себе местечко в заднем ряду, в обозе:

Может, сзади и не так красиво,
Но намного шире кругозор,
Больше и разбег, и перспектива,
И еще — надежность и обзор.

Он искренне желал, чтобы таких людей в нашем обществе стало как можно меньше. Но, скажем прямо, чувство меры подчас изменяло ему: он не всегда находил страстные и гневные слова для разговора о них, явно преувеличивал их количество и силу. Вот почему жизнь подчас представляла в этих песнях как темный лес («страшно, аж жуть!»). Там, где была нужна острая, беспощадная сатира, у поэта мы встречаем подчас беззлобный юмор. Вот почему эти песни Высоцкого (и именно они!) находили восторженный прием и у тех, кто являлся их персонажами. Поклонники (а особенно противники) песен Высоцкого нередко отожде-

ствляли его самого с «героями» неизданных его песен.

То, что сочинялось из озорства и предназначалось для узкого круга знакомых, благодаря технике современной звукозаписи становилось достоянием миллионов людей. Высоцкий понимал это, он точно сказал о магнитофоне:

Уверен, если где-то я совру,
Он ложь мою безжалостно усилит.

Поэт С. Куняев («Наш современник», № 7, 1984) объясняет «издержки» Высоцкого его сверхпопулярностью, в этом случае «...по закону обратной связи его творчество, порой независимо от него самого, вынуждено, может быть, иррационально формулировать то, что ждет от него публика». Высоцкий, по мнению С. Куняева, считал себя обязанным соответствовать тому образу, который сам создал для публики. Вероятно, какая-то доля правды в этих словах есть, но нельзя не видеть и того, что он всеми силами стремился разрушить этот стереотип, отказаться от него.

В последний период его творчества поверхностное, наносное уходило в прошлое. Поэтический голос его окреп, песни становились все более серьезными, отточенными и глубокими. Можно предположить, что он умер в кульминационный период своего творчества. Тема «Я не успел» становилась главной в последних его стихах. Но кони мчались слишком быстро...

Заканчивая свои заметки, мне хотелось подчеркнуть их главную мысль: гражданская позиция поэта не рождается сама по себе, она формируется, и этот процесс и сегодня весьма нелегок и непросто. Противоречия поэтического творчества Высоцкого — это противоречия формирования гражданской позиции поэта.

• • •

Разумеется, представленные вниманию читателя заметки не претендуют (да и не могут претендовать) на то, чтобы показать все грани творчества Владимира Высоцкого. Возможно, некоторые мысли автора спорны. Но очевидно — необходим глубокий и всесторонний анализ творчества этого яркого, интересного и сложного советского поэта.